

ШАБА 1

Надо было встать и закрыть форточку и не слушать тоскливый звон трущихся друг о друга обледеневших веток. Какой-то умник повадился лить воду с верхних этажей. Прямо из окна. Пару дней это продолжалось. И костлявые ветки клена напротив ее окна на третьем этаже обросли льдом, превратившись в уродливые сосульки. При малейшем дуновении ветра они приходили в движение, издавая отвратительный звук, от которого на душе делалось тошно.

Вчера вечером сверху снова лилось. Она уже хотела подняться и устроить скандал. Остановила соседка Вика из квартиры напротив.

— Это Тамара Вишнякова с восьмого этажа вино выливает у своего мужа-алкоголика. Демонстративно! — особой интонацией выделила соседка последнее слово.

— Почему демонстративно?

— Потому что сначала сливает все в ведро. А потом за окно. В назидание! — снова подчеркнула она, необычно повысив голос, и подняла вверх указательный палец. — Для наглядности!

Талина РОМАНОВА

Понять странность поведения жены алкоголика она не могла. Она никогда не была замужем. И не собиралась. Не хотела. Да и не звал никто. Может, потому, что не хотела? И это было написано на ней большими буквами? Ее нежелание вести совместное хозяйство с кем бы то ни было угадывалось, и мужчины сторонились ее. То есть, конечно, не совсем сторонились, просто не спешили делать ей предложение. Потому что — что? Правильно. Потому что она этого не хотела.

Именно так думать было очень удобно. Это избавляло от ненужных переживаний и комплексов. Она и не переживала, и не комплексовала. Жила себе спокойно, размеренно. Наслаждалась тишиной в своей отдельной, просторной квартире, подаренной отцом. Утром отправлялась на работу. Вечером возвращалась. Ее никто не провожал. Никто не встречал. Никто не приставал с вопросами: почему она так долго, что случилось с ее машиной, почему она на такси, с чего это она вдруг среди недели посетила ночной клуб? А почему напилась?

Она ни перед кем не отчитывалась. Жила как хотела. И ей это очень, очень, очень нравилось!

— А разве тебе не хочется, Оленька, чтобы о тебе кто-то заботился? — пристала недавно подруга Люсенька — милейшее, нежнейшее создание.

— Нет, — мотнула она тогда головой.

— А чтобы о тебе переживал кто-то? Тоже не хочется?

Голубые глаза Люсеньки наполнились слезками, когда Оля снова отрицательно мотнула головой.

— Но как же так, Оля?! Это же неправильно.

• *Свидетельницы зла* •

— Не вижу в этом никакой необходимости.

— Но когда-нибудь тебе захочется, непременно захочется, чтобы о тебе кто-то волновался, кто-то думал о тебе.

Две слезинки скатились по белоснежным щечкам Люсеньки. Она была очень слезливой.

— Ты обо мне вспоминаешь? Вспоминаешь. Волнуешься? — Люсенька активно закивала. — Вот. И Кира тоже. Мне этого достаточно.

— Но это же все не то, поверь, Оленька. Мы с Кирочкой твои подруги. Мы волнуемся, думаем о тебе, но иначе. Не так, как мог бы думать о тебе и волноваться близкий тебе человек. Мужчина! Вот мой Алекс...

И начиналось! И Алекс ее такой заботливый. И нежный. И страстный. И щедрый.

Люсенька могла бесконечно долго перечислять достоинства своего возлюбленного. Она же не знала, что ее такой заботливый, нежный, страстный и щедрый Алекс на самом деле законченный, лживый засранец, живущий на деньги своего отца, изменяющий Люсеньке направо и налево и не брезговавший вдохнуть кокаина с крышки унитаза в общественном туалете.

ТЬфу, гадость такая! Они с Кирой несколько раз пытались открыть своей любимой подруге Люсеньке глаза на правду, но тщетно. Люсенька предпочитала слепоту.

— Когда-нибудь, миленькая, от одиночества тебя заглохнет такая тоска, — вещала Люсенька зловещим шепотом, поглаживая ее по плечам, — что тебе захочется броситься в объятия к первому встречному.

Талина РОМАНОВА

Тоска глодала Олю третий день. Но не от одиночества. С этим все было в порядке, ей никто был не нужен. Виной всему была отвратительная симфония, льющая сквозь открытую форточку. Обледеневшие ветки терлись друг о друга с унылым стеклянным звоном, выворачивая душу наизнанку. Надо было просто встать и закрыть форточку. И все бы прекратилось. Но вместо этого она продолжала лежать на диване и слушать, как бьются друг о друга сосульки. И придумывать историю страшного семейного быта семьи Вишняковых, проживающих на восьмом этаже. Хотя, если разобраться, не так уж был и страшен их быт, раз вино — судя по запаху, совсем неплохого качества — лилось с восьмого этажа ведрами.

Надо было встать и закрыть форточку и оборвать звуки этого ужасного реквиема. Сходить в душ. Приготовить себе что-нибудь. Съесть хоть что-то, хотя и не хотелось. И потом позвонить подругам. Кажется, уже пора!

Они не созванивались с новогодней ночи. У всех своя жизнь, свои были планы на праздничные выходные. Никто не договаривался ни о чем таком заранее. Люсенька должна была лететь с Алексом куда-то к теплу утром первого января. Еще не вернулась. Иначе уже ворчала бы на ее кухне, лазая по пустым полкам холодильника. Кира собиралась на рождественских каникулах к родителям. А они у нее где-то очень далеко. Должна была набрать, как вернется. Не набрала. Значит, еще не вернулась.

Сегодня был вторник. Последний день выходных, которые для Оли очень затянулись. Ей со-

• *Свидетельницы зла* •

вершенно нечем было занять себя. И она вопреки установившимся правилам решила позвонить девочкам. Она никогда не звонила им первой. Никогда! А тут решила.

— Аппарат вызываемого абонента... — начал выводить приятный женский голос с Люсенькиного телефона.

Понятно. Еще на отдыхе. Оля не дослушала, оборвала звонок. Набрала Киру. Пошли гудки. Подруга долго не отвечала, а потом вдруг ответила совершенно незнакомым мужским голосом.

— Да! Слушаю! — грубо так, неприятно ответил Оле какой-то мужик с телефона Киры.

— Это я слушаю, — фыркнула она, снова вытягиваясь на диване под шерстяным пледом.

— И что ты слушаешь? — продолжил наглеть незнакомец.

— Слушаю какого-то дядьку, а должна бы слушать свою подругу Киру. Киру Новикову. А? Как объясните? Умыкнули ее телефон, дядя?

— А ты кто? — не меняя интонации, с напором, спросил незнакомец.

— Подруга.

— Это я уже понял. Что за подруга? Имя и фамилия у подруги есть?

Черт, он вел себя как заправский мент! Сам не представился, а ее допрашивал. Что за парень у Киры? Откуда она его откопала? Сама, интересно, где? В ванной? Телефон забыла на прикроватной тумбочке — обычное для нее дело — и ушла в ванную. А этот дядя, валяясь на ее простынях, наглет, как, простите, законный супруг. Но его у Киры не было! Точно не было еще десять дней назад!

Талина РОМАНОВА

— А что, не определилась при звонке? — решила его чуть подразнить Оля, прекрасно зная, как именно забита в телефоне у Киры.

— Тут какая-то королева высветилась. Но звонок местный, не из Англии. Так что, будь любезна — королева — представься.

Дядька тяжело вздохнул. Быстро выдохся. Наверное, возрастной, решила Оля. Кира всегда подбирала каких-то плешивых, разведенных, несчастных пузатиков. Считала, что они после своих «плохих» жен любить ее будут крепче. И оценивать дороже. Но как-то не выходило. Пузатики очень быстро уставали ее любить и ценить и исчезали из Кириной постели.

Этот, видимо, как раз из таких. После непродолжительного диалога уже раздражается. И не вежлив. Она ему — «вы», а он неприлично тыкает.

— Не королева, дядя, а Королёва. Ольга Королёва, — произнесла она со вздохом. — А вы у нас кто? Кира где? В ванной? Позовите!

На последних словах она почти на него прикрикнула. Но впечатления не произвела. Киру ей не позвали. Вместо этого мужик принялся вдруг вполголоса с кем-то переговариваться. Как будто что-то докладывал кому-то. Она отчетливо слышала обращение: «товарищ майор». И внутри как заныло! Ей почудилось, будто к противной музыке метавшихся под ветром, остекленевших от мороза веток добавился какой-то еще, более неблагоприятный металлический инструмент. Он скрежетал, громыхал, порождал ужас.

— Вы где сейчас находитесь, Ольга Королёва? — спросил ее уже другой, более приятный мужской голос. — В городе?

• *Свидетельницы зла* •

— Да, да, в городе! В собственной квартире! А в чем, собственно, дело?! Почему вы говорите со мной по очереди с телефона Кире, а ее не зовете?!

— Потому что ваша Кира, вероятнее всего, мертва, — произнес дядька, не тот первый, а уже другой, с более приятным голосом.

— Не мелите вздор! — взвизгнула Оля, вскакивая с дивана и делая три опасных шага вперед.

Конечно, она запуталась в огромном шерстяном пледе, который ей привезла в подарок Люсенька из Шотландии. Запуталась и упала. И выругалась неприлично.

— Эй, вы чего там, Ольга Королёва? Пьяны, что ли? — предположил мужчина со смешком.

— Ничего я не пьяна, в пледе запуталась и упала, — неожиданно призналась она. И что совсем уж было удивительным, продолжила в том же духе. — Пьяна я была три дня назад. О-о-очень пьяна. Потому и лежу уже три дня, не вставая.

— Ломает? — сочувственно вздохнул тот.

— Ломает, — призналась она.

Села на пол, спиной к стене, обернула уши-бленные колени пледом. Схватила свободной от телефона рукой за голову и произнесла:

— Говорите уже... Говорите, что там произошло с Кирой? Что за бред вы несете о ее смерти?

— Это не бред. Это правда. Если, конечно, ее паспортом кто-то не завладел за эти дни, не переклеил фотографию и не выкрал телефон. Предлагаю вам приехать на опознание.

— Опознание? — Оля с силой зажмурилась, трижды ударила головой о стену, повторила слабеющим голосом: — Вы сказали: опознание?

Талина РОМАНОВА

Господи! За прожитые ею двадцать три года это было самым страшным словом в ее жизни. Самым!

Впервые она его услышала, когда им с отцом предложили это сделать с ее матерью десять лет назад. Когда мать разбилась со своим очередным любовником на машине. Не справилась с управлением на скользкой дороге и выехала на встречку. Результат — полное Олино сиротство с тринадцати лет. Нет, отец-то, конечно, остался. И даже не сдал ее в детский дом, хотя угрожал неоднократно. Она вела себя прескверно в те годы. Странно, что в колонию для малолеток не угодила. Еле вырулила потом по жизни к семнадцати годам. Еле-еле...

Потом — шесть лет назад — предложили это сделать с их одноклассником. Почему предложили это сделать именно им, а не взрослым, до сих пор оставалось для нее загадкой. Всех по очереди заставили смотреть на истерзанный труп. Всех! Люсенька потом полгода к психологу ходила, настолько ее потрясло увиденное.

Кира их одноклассницей не была. Но ее тоже заставили взглянуть на тело. Потому что она к тому времени уже год отучилась в колледже, приехав издалека. И успела подружиться с Олей и Люсенькой. Познакомились на дискотеке в клубе. Она так же тяжело пережила процедуру опознания. К психологу не попала по причине отсутствия денежных средств, а так бы точно просиживала в его кабинете, рассказывая о своих страхах и ночных кошмарах. Как Люсенька.

Ольга перенесла визит в морг стоически. Не разрыдалась, не упала в обморок, не зажала рот рукой. Взглянула. Вздохнула тяжело и произнесла:

• *Свидетельницы зла* •

— Да, это он...

Почему так? Почему она так спокойно отреагировала?

Этими вопросами потом долго задавался следователь, который вел дело о гибели их одноклассника. Без конца таскал ее на допросы. Поминутно раскладывал ее алиби. Но придраться ни к чему не смог. В момент гибели Артура, так звали парнишку, Олю видели человек десять. И видели в течение пары часов. И она никуда не отлучалась, кроме туалета. Не вышло у следователя повесить дело о гибели парня на нее. Да и ни на кого путного не вышло повесить. Дело так и осталось нераскрытым. На их взгляд — взгляд одноклассников. Но посадить кого-то у полиции получилось. Суд был, да.

Помнится, следователь как-то сказал ее отцу, что у его дочери не нервы, а стальные канаты. Такой выдержкой и самообладанием не каждый мужик мог похвастаться. То ли хвалил ее за это, то ли порицал, пойдя пойми.

Следователь не мог знать и даже не догадывался, что отцу Оли было пофиг. Ему вообще на все было пофиг, на нее в том числе. А до этого на Олину мать он забил очень прочно. Потому и металась она, бедолага, из койки в койку, пытаясь реализоваться как женщина. Оля уже достаточно взрослой была, слышала скандалы, понимала суть. И вывод она сделала для него неутешительный после похорон. Гибель матери была только на его совести. Только он один был виноват в ее преждевременной смерти.

Потому и принялась она ему мстить, превратившись в чудовище. Отец все понимал и терпел. Угрожал, конечно. Урезал денежное пособие.

Талина РОМАНОВА

Сажал под замок. И даже пару раз по уху ей съездил. Но вытерпел. И в детский дом не сдал.

Когда Оля стала достаточно взрослой, получила блестящее образование и определилась в профессии, он купил ей эту вот большую квартиру в центре на третьем этаже. И вежливо выпихнул из дома, где у него уже носился выводок из трех пацанов от второго брака. Оля не роптала. Даже была рада, что так все вышло. Что он ее все же не сдал в детский дом. Помог с университетом, с жильем, ремонтом, обстановкой. И даже теперь, когда она стала прилично зарабатывать, он ежемесячно перечислял ей солидную сумму. И не знал того, что она к его деньгам не прикасалась. Они копились на ее счете, обрастали процентами и превращались в еще более солидную сумму.

— Королёва, вы еще здесь? — окликнул ее по телефону вежливый мужчина.

— Да. Я еще здесь, — хриплым голосом отозвалась она. — Вы в каком звании? Как я могу к вам?..

— Майор Вишняков, — перебил ее вежливый голос.

— Понятно. Так куда ехать-то, майор Вишняков?

Оля оперлась спиной о стену крепче и поползла вверх, разгибая колени. Силы возвращались.

Она выслушала адрес. Очень удивилась, что это далеко за городом. В каком-то дачном поселке, о существовании которого она даже не подозревала. И даже немного повеселела. Это точно Кира профукала свою сумочку с паспортом и телефоном. Вернулась от родителей и в аэропорту прощелкала тот момент, когда ее обокрали. Она могла. Она такая — мягкая, рассудительная, но рассеянная.

• Свидетельницы зла •

— Сколько вам необходимо времени, чтобы добраться? — пристал майор.

— Сорок минут навигатор показывает. — Она уже успела свериться со всеми картами и маршрутами и выбрала самый короткий.

— Тогда приезжайте прямо сюда. Наши где-то застряли в пробках, будут через полтора часа, не раньше.

— Так точно, товарищ майор, — фыркнула Оля, застегивая пуховик.

Пока разговаривала с майором по громкой связи, она успела надеть спортивный костюм, зимние кроссовки и пуховик. Шапки не требовалось. Она их не носила никогда.

— Да, и еще, гражданка Королёва, будьте аккуратны на дороге. Снег пошел. Не хватало мне еще и с вашим телом возиться... — прозвучало это как-то неоднозначно, он это понял и, смущенно кашлянув, уточнил: — В смысле, с трупом.

— Так точно.

Она криво ухмыльнулась, осматривая в зеркальном отражении входной двери свое тело, с которым майору Вишнякову не хотелось возиться, и вышла из квартиры.

ГЛАВА 2

Черные жирные птицы кружили над пожарищем и оглушительно каркали. Как они узнали? Откуда слетелись сюда? Что за паразиты, в самом деле?!